

Функционально-стилистический метод анализа как релевантный принцип изучения закономерностей текстообразования

НАТАЛИЯ В. ДАНИЛЕВСКАЯ
(Пермь)

В последние годы не раз доводилось слышать от своих коллег скептическую оценку перспектив дальнейшего развития функциональной стилистики. В определённой степени такому пессимизму способствует бурное развитие когнитивного и особенно дискурсивного направлений в современном языкознании. В самом деле, и когнитивистика, и дискурсивный анализ обращены к динамической стороне высказывания, к речи; внутренние процессы смысло- и формообразования составляют *ядро* познавательных интересов этих направлений. В такой ситуации для стилистики – в том числе функциональной – и в самом деле как будто бы не остаётся места в рамках лингвистической парадигмы.

Определяя соотношение между функциональной стилистикой (далее – ФС) и анализом дискурса (далее – АД), М.Н.Кожина отметила целый ряд сходств и различий этих подходов к исследованию языка (Кожина 2004: 26-30; 2008: 189–201). Назовём лишь важнейшие общие и различительные признаки этих направлений.

Так, *общими признаками* являются речеведческий подход к языку, интерес прежде всего к его динамической (процессуальной) стороне, учёт широкого экстралингвистического контекста производства речи, а также междисциплинарный подход как методологический принцип анализа. Важнейшими *отличительными признаками* ФС-ки и АД проф. Кожина считает, во-первых, конкретный (внутринаучный) подход к тем или иным общим признакам

(например, динамизм как сам акт производства высказывания – в АД и динамизм как процесс создания текста определённого стиля, причём с учётом и статического плана этого процесса, – в ФС-ке; приоритетное внимание к психологическим аспектам экстралингвистической базы – в АД и охват широкого затекстового контекста (форма общественного сознания, тип мышления, онтологические, психологические, социальные условия коммуникации, цели, задачи, ситуация общения и т.п.) – в ФС-ке и др.), во-вторых, «по-существу, отказ от типологии объекта исследования» (Кожина и др. 2008: 198) – в АД и типологический принцип подхода к тексту – в ФС-ке. Ср. высказывание учёного о том, что в ФС-ке текст анализируется «с точки зрения того, как закономерности процессов мышления – понятийного, образного, деонтического, обиходного и т.д. и непременно целей (подцелей) когнитивно-речевой деятельности в той или иной сфере общения – отражаются и выражаются в речевой системности текста, обуславливающей стилевую специфику последнего (или типов текста) как одного из его эксплицитно выраженных свойств» (Там же: 197. Разрядка автора. – Н.Д.). Вот этот типологический «взгляд» ФС-ки, позволяющий вскрыть и описать общезначимые (стилистические) закономерности порождения речи в различных ситуациях, и делает, на наш взгляд, функциональную стилистику жизненной, актуальной и релевантной в ряду других современных лингвистических направлений. Более того, представляется, что ФС (в том виде, как ее видела и разрабатывала проф. Кожина), предвосхитила целый ряд современных идей, во многом определила пути развития теории текста и теории речи (ср. термин М.Н. Кожинной *речеведение*).

Многие проблемы, которые сегодня являются объектом интереса, и теории дискурса, и когнитивной лингвистики, были если не детально изучены, то так или иначе рассмотрены, осмыслены в работах М.Н.Кожинной и ее последователей, т.е. в работах, выполненных в русле ФС-ки. Речь идет о таких явлениях, как понятие *целого текста*, *диалогичность*, *категория текста*, соотношение «автор – читатель», *языковые и речевые средства организации текста*, *смысловая структура текста*, понятие о тексте как о *деятельности и процессе*, понятие о *текстообразовании* и его единицах и мн. др.

Общеизвестно, что Пермская школа стилистики сформировалась как научное сообщество, основным интересом изучения которого являлся научный стиль. Однако сегодня далеко не только научный стиль оказывается «под прицелом» пермских лингвистов. ФС-ий метод анализа оказывается

абсолютно релевантным способом изучения языковой ткани любой речевой разновидности или дискурсной формации, будь то медицинские, журналистские, прокурорские, студенческие, детские, интернет-тексты или какие-либо др. речевые образования. При этом универсальный характер ФС-ки объясняется, видимо, двумя идеями, детально разработанными М.Н. Кожиной еще в 60-70-е гг. XX-го в.: 1) идеей о междисциплинарных связях наук (ср. идею теории дискурса о едином интертекстуальном пространстве) и 2) идеей о необходимости учета широкого круга затекстовых (экстралингвистических) факторов при интерпретации языковых явлений. Вообще же, принципы и методы функционально-стилистического анализа демонстрируют речеведческий, а значит, антропоцентрический характер, т.е. нацеленность на изучение – по Э. Бенвенисту – «человека в языке», или – по М. Хайдеггеру – языка как «дома бытия духа».

Особое внимание ФС-ки к динамизму, экстралингвистическому плану, интердискурсивным связям речевого произведения сближает функционально-стилистический анализ с собственно дискурсивным: в центре внимания оказывается текст как результат интеллектуально-духовного творчества человека. Ср. мнение П. Серио о том, что дискурс – это не просто текст с определенной содержательно-вербальной структурой, а нечто большее, напоминающее «узор или ткань, сплетенные из отношений-нитей с чем-то внешним, лежащим за пределами текста» (Серио 1999: 379). Так же, т.е. именно как дискурс (только без использования этого термина), всегда понимался текст и в функциональной стилистике. Ср.:

[...] он (текст) исследуется не только как собственно языковая единица (интралингвистический аспект), но как коммуникативная единица, как единица общения. Для его осмысления, следовательно, недостаточно лишь лингвистических знаний, но необходим учет ситуации общения и целого ряда экстралингвистических факторов, вплоть до широкого экстралингвистического контекста, в котором протекает познавательно-коммуникативная деятельность (как реализация неречевой деятельности)» (Кожина 1995: 39).

Таким образом, изучение текста в рамках обоих направлений осуществляется при четком понимании единства и взаимосвязанности в нем формы и духа (грамматики и мысли), а также при детальном проникновении в закономерности коммуникации и учёте интеллектуальных и психических особенностей порождения и восприятия речи.

Вместе с тем между ФС-ой и теорией дискурса существует целый ряд серьезных расхождений. Не углубляясь в эти расхождения (см. об этом

подробно: Кожина 2004), подчеркнем действенность ФС-го метода и его адекватность современным требованиям анализа языкового материала. Изучение текста с функционально-стилистических позиций остается релевантным способом лингвистического исследования, так как не только не противоречит развивающимся сегодня идеям когнитивистики, теории дискурса или интердискурса, но, дополняя их, гармонично сочетается с ними как теория обобщенного, более абстрактного уровня осмысления языковой реальности. В отличие от названных теорий, ориентированных на изучение языковых особенностей, ситуативно, психологически или идеологически конкретизированных, ФС направлена на выявление и описание нормативно-типовых особенностей функционирования языка в различных сферах деятельности. Этот интерес ФС-ки к общим, конститутивным закономерностям материализации «духа» в тексте и определяет жизненность этой теории, её актуальность среди других современных направлений лингвистики.

Продemonстрируем возможности ФС-го метода на примере поиска ответов на вопросы «Что лежит в основе процесса развертывания научного текста?», «Что является “движущей силой” смысловой и речевой динамики в момент поиска, формирования и выражения нового знания в тексте?».

Многолетнее исследование особенностей процесса смысло- и текстообразования в научной коммуникации позволило нам выявить особую роль *оценки* и обосновать ее текстообразующую функцию.

Долгое время принято было считать, что научный стиль неэмоционален, неоценочен, отличается сухостью и беспристрастностью изложения. Возможно, отчасти это так – по сравнению с другими стилями речи. Дело в том, что в науке *своя* экспрессия, *свои* оценочность и выразительность.

По мнению психологов и психолингвистов, познание начинается с аффекта. Так, по мнению А.Р. Лурии, С.Д. Смирнова, К. Изарда, А.А. Леонтьева и др., *начало понимания смысла высказывания лежит именно в сфере аффекта*, и только проходя через нее понимание оказывается достоянием интеллекта (Лурия 1979; С.Д. Смирнов 1985; Изард 1999; Леонтьев 2001 и др.). Не случайно С.Л. Рубинштейн подчёркивал, что «...эмоциональные процессы... никак не могут противопоставляться процессам познавательным как внешние, друг друга исключающие противоположности. Сами эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального»

(Рубинштейн 1989: 141. Курсив наш. – Н.Д.). Кстати, ещё Ш. Балли отмечал, что в действительности рассудочные и аффективные акты не существуют раздельно (Балли 1961).

Иначе говоря, *благодаря эмоциям когнитивные действия получают в познавательном акте (тексте) психологическую корректировку и предстают в более отточенном, выверенном смысловом варианте*. Можно сказать, что эмоции выступают по отношению к когнитивной деятельности учёного в качестве дополнительного (но не менее важного!) смысло- и текстоорганизующего механизма. В унисон этому звучит мысль А.В. Кинцель, о наличии в любом тексте своей эмоциональной доминанты, «выступающей единственным представителем процессов мотивации», репрезентированной в тексте различными языковыми средствами и выполняющей в нём функцию «текстообразующего фактора» (Кинцель 2000: 36-42).

Таким образом, в поиске и обосновании нового научного знания большую роль играет *эмоциональная, т.е. оценочная сфера мышления*. Условно назовём этот текстообразующий феномен *познавательной оценкой*.

Под *познавательной оценкой* понимается сознательный выбор говорящим (автором текста) определённого познавательного действия и определённых языковых и речевых средств его текстуализации с целью осуществления адекватного обоснования нового знания в каждом конкретном моменте познавательной речемыслительной деятельности (Данилевская 2005). Познавательная оценка (далее – ПО) сопутствует эвристическому процессу на всех его этапах, находясь в начале (в основе) всякого интеллектуального действия. Однако важно, что сама текстуализация познавательного процесса осуществляется учёным не только ради познания как такового, но и ради предполагаемого читателя. Ср. в связи со сказанным мнение философов о том, что в основе формирования *нового знания как научной ценности* лежит операция оценивания, ибо не поняв, как это сделано, невозможно объяснить, что это такое (Славин 1976: 91; Петров 1992: 153; Ким, Блажевич 1998: 38 и др.).

Понятие ПО как принципа рече- и смысловедения в научном дискурсе согласуется с концепцией речевого воздействия, в частности с идеями Ч. Ларсена, А.Н. Баранова, Р. Блакара.

Так, по мнению Ч. Ларсена, отправитель и получатель сообщения в равной степени участвуют в процессе убеждения: отправитель, с одной стороны, стремится воздействовать на сознание получателя, с другой стороны,

убеждая его в своей позиции, отправитель меняет, реконструирует и свой внутренний мир, ибо «убеждение – это всегда и самоубеждение» (Larson 1995: 148).

Анализируя категорию воздействия с когнитивной точки зрения, А.Н.Баранов определяет аргументацию как «совокупность процедур над моделями мира... участников ситуации общения (Баранов 1990: 11). В результате этих процедур происходит передача знаний от одного коммуниканта к другому. При этом у обоих коммуникантов наблюдаются изменения в моделях мира. В частности, в сознании адресата речи появляется, как минимум, новое знание о том, что некоторая информация передана адресату. Иными словами, «суть категории речевого воздействия заключается в таком коммуникативном использовании языковых выражений, при котором в модель мира носителя языка вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся, то есть происходит процесс онтологизации знания» (там же: 12).

Не менее интересна концепция Р.М. Блакара, согласно которой процесс речевого общения – это всегда воздействие и поэтому данный процесс не может быть нейтральным (Блакар 1987). Более того, любое, казалось бы, нейтральное по отношению к адресату использование языка (ср., например, акты фатической речи или непринужденной болтовни) предполагает воздействие на восприятие мира и его структурирование, изменение. Говорящий не только имеет возможность выбирать различные варианты языковых и речевых единиц, но и **вынужден осуществлять этот выбор**, ибо любое высказывание вынуждает говорящего **«занять позицию»** (там же: 134–136. Выделено нами. – Н.Д.).

В научной коммуникации, связанной с выработкой, формированием и выражением *нового* знания об объективной реальности, вопрос о воздействии особенно актуален. Под воздействием здесь понимается процесс аргументации, направленный на убеждение адресата в истинности нового научного знания. Поэтому сам факт «занятия позиции», который реализуется через выбор говорящим определённого познавательного-интеллектуального действия, является в научном дискурсе исходной точкой, началом общей динамики речетворческой деятельности учёного.

Таким образом, ПО – это действительно «стимул-мотор» динамики развёртывания научного сообщения, посвящённого раскрытию нового, ранее неизвестного знания о предмете объективной реальности.

В основе ПО лежат две интенции автора: 1) его стремление выразить научное знание максимально адекватно своему представлению о предмете анализа; 2) его стремление выразить сложное научное знание максимально понятно (адекватно) для читателя. Эти две интенции составляют два плана ПО – *когнитивный*, указывающий на связь с рациональной областью познания, и *эмотивный*, указывающий на связь с эмоционально-психической областью познания.

Когнитивный и эмотивный варианты ПО (или когнитивная оценка и эмотивная оценка) в рамках креативной научной деятельности взаимосвязаны и неразрывны, предполагают друг друга. При этом эмотивная оценка оказывается, не менее важной, чем первая, что объясняется сложностью научного знания и стремлением автора текста изложить свою концепцию не только более просто, доступно для читателя, но и (насколько это допустимо в научном стиле) более образно, даже выразительно.

Исходя из всего сказанного можно говорить об эвристической деятельности именно как о деятельности познавательно-оценочной. Если онтология научного текста, образно говоря, отвечает на вопрос «что?», методология – на вопросы «как?», «каким образом?», то аксиология (в том числе оценка), в отличие от двух первых, в общем, статических планов, – на вопросы «почему?» (в смысле «удовлетворяет или не удовлетворяет предшествующее знание новой точке зрения») и «куда?» (в смысле «направление движения в процессе познания»), т.е. именно осуществляет динамику познания и её направление. Оценка, по мнению М.Н. Кожиной, – это и стимул, и «горючее» познавательного процесса и текстообразования в научной сфере (Кожина 2004: 68).

Итак, пронизывая все планы познания, оценка является несомненным фактором текстообразования. Она принимает активное участие в формировании и выражении нового научного знания. В конкретном смысловом развертывании познавательная оценка выполняет разные функции, в том числе и функцию выразительную. Однако применительно к научному дискурсу речевая выразительность носит специфический характер: принимая непосредственное участие в динамике экспликации *нового* знания, выразительность предстает в качестве интеллектуальной экспрессии.

Интеллектуальная экспрессия – это отражённый в тексте авторский поиск как самого нового знания, так и способов его наиболее адекватного языкового оформления. Иначе говоря, речь идёт о фрагментах текста, фиксирующих, с одной стороны, напряжённость интеллектуальной

(когнитивной) деятельности учёного, т.е. деятельности, направленной на обоснование нового знания, причинно-следственных связей между его компонентами; с другой стороны – напряжённость эмоционально-духовной (эмотивной) деятельности автора, направленной на убеждение читателя в истинности впервые выражаемого (нового) научного знания.

Обычно интеллектуальной экспрессии соответствуют фрагменты дискурса, организованные по принципу содержательного уплотнения. В таких фрагментах наблюдается концентрация нескольких познавательных действий собственно когнитивного (различного рода уточнения, пояснения, конкретизации, обобщения, причинно-следственные, следственно-выводные высказывания и др.) и эмотивного характера. Под последними имеются в виду высказывания, в оформлении которых принимают участие эмоционально-оценочные и экспрессивные средства.

Признание важной роли интеллектуальной экспрессии в динамике научного познания и его экспликации подтверждает единство аффективного и рационального планов в познании. Последнее же представляет как процесс эмоционально-экспрессивного речеведения. Чем большее количество тех или иных познавательных действий наблюдаем в определённом смысловом фрагменте, тем более четко проступает в нём позиция самого автора. Смысловая структура относительно законченного высказывания оказывается оформленной тогда, когда заключённая в нём мысль подвергается и когнитивной, и чувственной оценке со стороны исследователя. Таким образом, эмоционально-экспрессивное речеведение – это вспомогательный (по отношению к логико-смысловому), но неотъемлемый механизм обоснования научного знания. Посредством действия этого механизма онтологическое поле научного знания приобретает логическую, композиционную и коммуникативную завершённость.

Рассмотрим, фрагмент из философского текста, выделив средства, выражающие познавательную оценку:

Не отрицая того, что в монографии... содержится интересный анализ ряда актуальных аспектов... мы считаем, что предполагаемая ими трактовка категории идеального является в большинстве случаев некорректной. Эта некорректность проистекает из-за того, что **не выдерживается** логическое отличие категории идеального от категории материального. **В самом деле:** что означает “внепсихическая, но несубстанциальная реальность”, в качестве которой, **по словам авторов, выступает идеальное? Если “несубстанциальная реальность” означает нематериальное, т.е. не является объективной реальностью, то каким образом, соблюдая элементарные правила логики, её можно считать внепсихической, а следовательно, качественно иной, чем наше сознание? Когда**

же утверждается, что идеальное существует “как общественная форма опредмеченных общественных отношений”, как “овеществлённый образ”, то это вызывает опять-таки серьёзные недоразумения, ибо всякая “общественная форма опредмеченных общественных отношений”, всякий “овеществлённый образ” есть объективная реальность, социальная объективная реальность, и ни в коем случае не могут быть названы “несубстанциональной реальностью”, если под субстанцией понимается материя, а не что-то другое (“вещество”, “субстрат”, некое природное физическое основание...”) (Дубр., с. 18-19. Разрядка автора. – Н.Д.).

Здесь всё изложение буквально пронизано средствами когнитивной (см. уточнения, пояснения, объяснения, причинно-следственные и следственно-выводные отношения между фразами и др.) и эмотивной (такие экспрессивы, как ‘в большинстве случаев’, ‘ни в коем случае’, ‘опять таки’, ‘серьёзные недоразумения’, усилительные частицы, противительно-сопоставительные союзы и др.) оценок. К числу переходных случаев можно отнести графическое выделение и вопросо-ответные комплексы, выполняющие в научном дискурсе двойную функцию – «смысло-усилительную». Весь этот комплекс познавательных-оценочных действий, обрамляя содержание знания, способствуют его более чёткому, точному и вместе с тем более эффектному выражению в тексте, а следовательно, и более адекватному пониманию его читателем.

Ещё пример, из лингвистического текста:

Как известно, для оптимизации процесса обучения, даже при наличии хорошего учебника, преподавателю необходимо привлекать и другие (и весьма многочисленные) средства обучения, с которыми учебник, образуя ядро учебно-методического книжного комплекса, тесно связан (Троян., с. 65).

Здесь выражения *необходимо привлекать* [1], *весьма, многочисленные* [2], *ядро комплекса* [3], *тесно связан* [4] содержат экспрессивное значение. Это модальная окраска необходимости, определенной категоричности утверждения [словосочетания 1, 2, 4]; оценка, усиливающая представление о большом объёме [2]; образности [3]. В контексте нормативной для научной речи общей безэмоциональности подобные словосочетания явно коннотативны. Кроме того, в приведенном предложении можно выделить и структурно значимые риторические компоненты, среди которых: *как известно* – типичное для научного языка стереотипное сочетание, выполняющее сразу несколько функций: сцепления смысловых звеньев логической цепочки (функция интратекстового диалогового стыка),

апелляции к научной картине мира читателя (функция активизации общих с автором пресуппозиций), сигнализации о констатации известных в науке фактах; *даже при наличии хорошего учебника* – присоединительная конструкция, в контексте предложения имеющая значение акцента на мысли о необходимости сочетания разных методических и дидактических материалов в процессе обучения; *и весьма многочисленные* – вставная конструкция такого же акцентирующего характера; более свойственный экспрессивным типам языка деепричастный оборот *образуя ядро учебно-методического книжного комплекса* нарушает строго последовательное развитие мысли, усиливая значение второго, сопутствующего действия, как бы образуя при этом второй смысловой центр высказывания. Без указанных средств экспрессии данное предложение могло бы выглядеть так: *Для оптимизации процесса обучения преподаватель должен пользоваться учебником и дополнительной литературой. Основное методическое средство обучения – учебник.*

В качестве риторически маркированных структур в научном тексте предстают и фрагменты, включающие в свой состав сразу несколько оборотов с уточняюще-разъясняющей семантикой (уточняющие, поясняющие, присоединительные, а также другие обособленные обороты с обстоятельственным значением). При этом выразительность (оценочность) таких фрагментов создается именно благодаря их насыщенности лексемами и сочетаниями с общим значением смысловой конкретизации. Ср. (сочетания с уточняюще-разъясняющим значением подчеркнуты, уточнения внутри уточнений выделены полужирным шрифтом):

Говоря о языковых единицах как системах, **мы имеем в виду целостные объекты (лексемы, грамматические формы, синтаксические конструкции), представляющие собой упорядоченные множества содержательных элементов (с соотношениями и связями между ними, т.е. с определённой структурой плана содержания), соотнесённые с множеством элементов формального выражения (таким образом., речь идёт о двусторонних — содержательно-формальных – единицах)** (Бонд., с. 48).

Как видно, интеллектуальная экспрессия реализуется в научном тексте как выбор автором не одного, а нескольких познавательных действий в процессе обоснования какого-либо компонента знания. Иначе говоря, плотность знания, или моменты «сгущения» познавательно-оценочных действий, есть показатель интеллектуальной экспрессии научного изложения.

Закономерно, что М.Н. Кожина находит естественным «вторжение» в нормативные для научного стиля отвлечённо-обобщённость и строгую логичность своеобразной экспрессивности, эмоциональности и даже образности, без которых научная речь не достигала бы своей цели, а автор не убедил бы читателя в истинности своих взглядов.

«Очевидно, под экспрессивностью научной речи следует понимать такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере и которые тем самым способствуют эффективности общения» (Кожина 1993: 167).

Не случайно среди разнообразных языковых средств научной экспрессии исследователь выделяет специфическую для научного текста точность изложения, называя её интеллектуальной экспрессией (там же: 168). Понятие интеллектуальной экспрессии помогает осмыслить особенности риторической организации содержания научного текста. Но главное, это понятие теснейшим образом связано с аксиологическим планом познавательной деятельности, поскольку интеллектуальная экспрессия реализуется в текстовой деятельности, во-первых, через когнитивную (рациональную) оценку, во-вторых, через оценку эмоциональную, в том числе экспрессивную. При этом очевидно, что основу выразительности научного дискурса составляет множественность познавательно-оценочных действий в отдельно взятом текстовом фрагменте, посвящённом выражению одной мысли, что при внимательном чтении воспринимается как содержательная плотность текста, или его интеллектуальная экспрессия.

Именно интеллектуальная экспрессия как природное свойство научного творчества является ментальной основой, тем истоком, от которого берут начало все глубинные нити движения знания, постепенно сплетающиеся в этом движении смысловой узор, но так, что и сам узор, и точки сцепления отдельных рисунков оказываются вербально зримыми, яркими, структурно и композиционно рельефными, а значит – понятными для читателя. Реализация интеллектуальной экспрессии на поверхностном уровне текста ведёт к повышению эффективности общения, к решению его главной задачи – выражению и верификации нового научного знания в доступной (отчасти и красивой, изящной) форме. Ср.:

«выразительность, а также индивидуальность отнюдь не являются для научного стиля чем-то незначимым (как многие думают). Эти черты весьма желательны и присущи лучшим образцам научной литературы» (Кожина 1986: 42).

В унисон этому звучит высказывание К.Изарда о том, что эмоции «выступают в роли организующей силы сознания, они непрерывно упорядочивают и творчески реорганизуют поступающую от рецепторов информацию» (Изард 1999: 88). Ср. также мнение В.Е. Чернявской о том, что интердискурс (в том числе и научный) – это такое взаимодействие автора и интерпретатора, когда первый, «намеренно выстраивающий своё сообщение как игру – пересечение, взаимоналожение, “монтаж” нескольких дискурсивных типов, решает задачу персуазивного, в той или иной мере манипулятивного воздействия на адресата» (Чернявская 2004: 38), а сознание второго (интерпретатора) «“переключается” в иное ментальное пространство и начинает “работать” с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке... данного в тексте содержания» (там же).

Завершая размышления о месте оценки в научном тексте, подчеркнём, что интеллектуальная экспрессия – это не просто выразительность, но *интеллектуально-эмоциональная напряжённость изложения*, моменты открытой (явной) и скрытой апелляции автора к сознанию читателя. Действительно, если риторику понимать как теорию и практику «оптимизации речевого общения, его эффективности, результативности посредством воздействующей и убеждающей речи» (Кожина 2000: 25), то средства выражения интеллектуальной оценки, отражающие напряжённость познания, как раз во многом выполняют функцию оптимизаторов конструирования и понимания нового знания. Как справедливо отмечает Н.К. Рябцева, «хорошая наука и хорошее изложение – почти одно и то же» (Рябцева 1996: 43). Вообще, строго логичное мышление возможно только как размышление «про себя». Творческое же мышление (т.е. для кого-то) непременно включает в себя образные и эмоциональные компоненты. По мнению В.В. Одинцова, эмоционально-риторические структуры, попадая «на почву» научного текста, «дают ростки» эффекта выразительности, который, как правило, является результатом структурно-синтаксической трансформации высказывания, нарушения нормы, правила, характерного для логических структур (Одинцов 1982: 148-151). Такое «преображение» речи в конечном итоге трансформирует логически строгое и сухое изложение в речь, способную воздействовать на интеллект и эмоции читателя.

Список источников с сокращениями

- Бонд. – Бондарко А.В., 1984, *Функциональная грамматика* Ленинград.
Дубр. – Дубровский Д.И., 1988, *Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания*, “Вопросы философии”, № 1.
Троян. – Троянская Е.С., 1989, *Обучение чтению научной литературы. В помощь преподавателю иностранных языков*, Москва.

Литература

- Баранов А.Н., 1990, *Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход)*: Автореф. дис. ... докт. филол. наук., Москва.
Балли Ш., 1961, *Французская стилистика*, Москва.
Блакар Р.М., 1987, *Язык как инструмент социальной власти, Язык и моделирование социального взаимодействия*, Москва.
Данилевская Н.В., 2005, *Роль оценки в механизме развертывания научного текста*, Пермь.
Изард К., 1999, *Психология эмоций*, пер. с англ., Санкт-Петербург.
Ким В.В., Блажевич Н.В., 1998, *Язык науки: Философско-методологические аспекты*, Екагеринбург.
Кинцель А.В., 2000, *Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора*, Барнаул.
Кожина М.Н., 1986, *О диалогичности письменной научной речи*, Пермь.
Кожина М.Н., 1993, *Стилистика русского языка: учеб. для студ. пед. ин-тов.*, 3-е изд., перераб. и доп., Москва.
Кожина М.Н., 1995, *Целый текст как объект стилистики текста*, „stylistyka”t. IV, s. 33–53..
Кожина М.Н., 2000, *Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики). Стереотипность и творчество в тексте*, Пермь.
Кожина М.Н., 2004, *Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций*. Текст – Дискурс – Стил: сб. науч. ст. Санкт-Петербург.
Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А., 2008, *Стилистика русского языка: учебник*, Москва.
Леонтьев А.А., 2001, *Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность)*, Москва.
Лурия А.Р., 1979, *Язык и сознание*, Москва.
Одинцов В.В., 1982, *Композиционные типы речи, Функциональные типы русской речи*, Москва.
Петров М.К., 1992, *Самосознание и научное творчество*, Ростов-на-Дону.

- Рубинштейн С.Л., *Основы общей психологии*, т. 2, Москва.
- Рябцева Н.К., 1996, *Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения*, науч. докл. по опубликованным трудам, представленный к защите на соиск. учен. степ. докт. филол. наук., Москва.
- Серио П., 1999, *Как читают тексты во Франции*, Вступительная статья, Квадрагура смысла, Москва.
- Славин А.В., 1976, *Проблема возникновения нового знания*, Москва.
- Смирнов С.Д., 1985, *Психология образа: проблема активности психологического отражения*, Москва.
- Чернявская В.Е., 2004, *Текст как интердискурсивное событие*, Текст – Дискурс – Стиль: сб. науч. ст. Санкт-Петербург.
- Larson Ch.U., 1995, *Persuasion: reception and responsibility*, Belmont.

Uunctional-Stylistic Method of the Analysis as the Relevant Principle of Studying Laws Textformation

The article deals with the problem of evaluation in scientific knowledge. The author substantiates specific role of evaluation in scientific text. Evaluation is being presented as axiological component of cognitive activity that takes active part in the process of composing scientific production. The author differentiates “cognitive evaluation” and traditional understanding of evaluation as a scale “good – neutral – bad” and states that evaluation penetrates through the entire fabric of scientific text and so can be called the “energy” of mechanism of text making.

Keywords: *functional stylistics, discursive analyses, development of the text, cognitive evaluation, dynamics of cognition.*